

Благодарности

Глубочайшую признательность я выражаю Кэрил Эмерсон — советнику, наставнику, коллеге, близкому другу, спутнице и «единомышленнице в этих делах». Не раз за последние восемь лет за чашкой имбирного чая мы обсуждали и сражались по поводу каждой идеи этой книги, и ее мысли навечно сформировали мои взгляды на Толстого, Достоевского и семью. Мне посчастливилось найти второго наставника вне области славистики, Джулиет Митчелл, чья работа помогла мне взглянуть на неочевидные грани изучения темы братьев и сестер. Джулиет не только мудра, но щедро делится своей мудростью, и я благодарна за часы, проведенные ею за чтением моей работы и за обсуждением общечеловеческих проблем, поднимаемых Толстым и Достоевским при рассмотрении идеи братства.

Эта книга основана на докторской диссертации, написанной мной в Принстонском университете, и я благодарю всех преподавателей, которые поддерживали меня и помогли сформироваться как ученому: Ольге Хейсти, Эллен Чансез, Ксане Бланк и особенно Майклу Уочтелу за неизменное возвращение моего внимания от глобальных вопросов к уровню слова. Корни этого проекта выходят за пределы Принстона. Я благодарю моих университетских преподавателей Светлану Евдокимову и Линн Дебенедетт за то, что они вдохновили меня остаться в области славистики. Неподдельный интерес Светланы к моей дипломной работе о братьях и сестрах в «Войне и мире» подтолкнул меня к выбору этого пути. Диана Томпсон ввела меня в мир Достоевского во время подготовки магистерской диссертации и подкрепила мое понимание положительной роли братьев и сестер в его произведениях.

Поскольку идеи этой книги формировались в течение многих лет, я многим обязана вопросам, предложениям и рекомендациям различных исследователей русской литературы. Их теплота, подлинный интерес и забота не только помогли мне отшлифовать свои идеи, но и позволили ощутить себя частью семьи единомышленников в лучшем толстовском смысле. Из поколения моих менторов особую благодарность я адресую Донне Орвин, Робин Миллер, Гэри Солу Морсону и Джейн Таубман. Благодарю своих «братьев и сестер», своих коллег-ученых: Грету Матцнер-Гор, Тома Робертса, Кристин Данбар и особенно Юрия Корригана — в интеллектуальном смысле родственную душу. Этот проект был завершен в Университете Макгилла, где я ощущала тепло и поддержку Люси Партс и Лоры Берахи. Вне области славистики я выражаю признательность Мэри Кун, Амелии Ворсли, Мэтью Биркхолду и Элизе Боннер за их неослабевающий интерес к моей работе и неустанную готовность говорить со мной о русской литературе XIX века. И попутно мои друзья-«троглодиты» поддерживали дух веселья в ней.

Помимо больших идей много невидимого труда вкладывается в создание книги. Студентка Виктория Вайсброт, моя ассистентка в исследованиях в Университете Макгилла, оказала мне неоценимую помощь. Она научилась потрясающе ориентироваться в Полном собрании сочинений Толстого, и ее скрупулезная работа (всегда с неизменной улыбкой!) сэкономила мне бесчисленные часы. Я также глубоко признательна сотрудникам редакции Northwestern University Press за их неустанные усилия сделать эту книгу единым целым.

И наконец, я никогда бы не взялась за этот проект, если бы не моя семья. Мне не хватает слов, чтобы поблагодарить моих родителей за создание идиллической «ростовской» семейной атмосферы, благодаря которой я вижу семью как главный источник любви и поддержки. Возможно, самой большой проблемой для меня при написании данной книги было преодоление этого чересчур идиллического взгляда. И если бы Джош не был идеальным братом, возможно, я никогда бы не осознала ключевого значения связи между братьями и сестрами. Эта книга посвящается ему.

Введение

Как вспоминает в своих мемуарах Толстой, когда ему было пять лет, его брат Николенька заявил, что владеет тайной, «посредством которой... все люди сделаются счастливыми... никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями» [Толстой 1928–1959, 34: 386]¹. Толстой объясняет, что они с братьями даже устроили «игру в муравейные братья», которая заключалась в том, что они сидели под стульями, загородившись ящиками и завесившись платками, «и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу» [Там же]. Этот образ братского единения и любви запал столь глубоко, что на восьмом десятке Толстой писал: «Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же» [Там же: 387]. Почти каждый биограф Толстого упоминает «муравейных братьев», но никто не исследовал влияние этой опоры на братскую привязанность на философскую мысль Толстого². Как явствует из этой

¹ Все ссылки на Толстого относятся к Полному собранию сочинений (Юбилейное издание) [Толстой 1928–1959]. Многоточия, которых не было в оригинальных цитатах, заключены в угловые скобки. Николай явно подслушал разговор о христианской конфессии под названием «Моравские братья», а поскольку их название созвучно русскому слову «муравей», он, скорее всего, перепутал это с тем, что слышал о масонах и об их стремлении объединить человечество универсальной мудростью.

² Гэри Р. Ян утверждает, что чувство братьев-муравьев, «кажется, олицетворяет истинное и полное значение слова “братство” для Толстого, но он ограничивается этим и рассматривает в произведениях Толстого только “братство”», а не братьев и сестер. См. [Jahn 1996: 71].

цитаты, путь к вселенскому братству он видел в расширении границ чувства любви, связывавшей его с братьями и сестрой, до всего человечества. Использование реальной связи между братьями и сестрами в качестве модели братства окажет огромное влияние на мировоззрение Толстого и на его подход к описанию семьи и человеческих взаимоотношений в целом.

В творчестве Достоевского самый известный призыв к братству также основывается на модели реальной связи между братьями и сестрами. В финальной сцене «Братьев Карамазовых» Алеша произносит «речь у камня» перед двенадцатью мальчиками, только что побывавшими на похоронах «бедного мальчика, в которого прежде бросали камни», а потом полюбили [Достоевский 1972–1990, 15: 195]³. Алешина речь, призывающая мальчиков запомнить этот момент и чувство нежности друг к другу, почти слово в слово совпадает с речью из предыдущего романа Достоевского, где ее произносит не модель для подражания перед своими молодыми последователями, а сестра перед братом. В «Подростке» Достоевский развивает идеи активной любви и единения, описывая брата и сестру, выросших порознь, без общей семейной основы; в «Братьях Карамазовых» он расширяет эту концепцию до общечеловеческой семьи. В обоих произведениях путь к единству, будь то между биологическими братьями и сестрами или группой мальчиков, — нелегок. Учитывая присущие братским отношениям огромные возможности единения и сострадания и глубочайшие опасности ревности, соперничества и отвержения, именно они становятся тем полем боя, на котором Достоевский ведет борьбу за утверждение деятельной любви и верности.

В этой книге исследуются братские отношения как поле боя и модель для заветных идеалов, как область ниспровержения и утверждения тех форм любви и единения, которые были наиболее дороги Достоевскому и Толстому.

Исследования семьи в русской литературе распадаются на две крупные категории, связанные с двумя ключевыми темами евро-

³ Все ссылки на произведения Достоевского даны по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 [Достоевский 1972–1990].

пейского романа. Первая сосредоточена на сюжете брака, с акцентом на роль женщины, материнство и опасности эротической любви. Вторая категория уделяет внимание конфликту поколений, акцентируя патриархальный уклад и разлад в отношениях между родителями и детьми. В традиционном понимании творчество Толстого относится к первой категории («Анна Каренин» как русская «Мадам Бовари»), а Достоевского — ко второй («Братья Карамазовы» как эдиповская сага об отцеубийстве)⁴. Эти модели не учитывают горизонтальных кровных связей между братьями и сестрами, населяющими литературные миры Толстого и Достоевского⁵. Выходя за рамки этих традиционных подходов с упором на романтические отношения и конфликт поколений, я рассматриваю труды Толстого и Достоевского через призму отношений братьев и сестер. При таком взгляде внимание фокусируется не только на внутрисемейной любви, которая может служить позитивной и более терпеливой альтернативой эротическому желанию, но и на горизонтальной оси связей между поколениями, которые становятся противовесом нарушенным иерархическим отношениям между родителями и детьми. Раскрывая альтернативные структуры силы и взаимосвязи, такой подход открывает новый способ понимания любви и родства в романах Толстого и Достоевского.

⁴ Симптоматичным примером этого является «Кембриджский компаньон к Толстому» под редакцией Донны Туссинг Орвин, где семья рассматривается в главе Эдвины Круз «Женщины, сексуальность и семья у Толстого» [Cruise 2002]. Центральный ее вопрос — это противоречие между сексуальностью и материнством при создании толстовских героинь, что сводит семью к идее брака и воспитания детей. Напротив, в «Кембриджском компаньоне к Достоевскому» под редакцией У. Дж. Лезербарроу глава Сюзанны Фуссо «Достоевский и семья» [Fusso 2002] посвящена главным образом вертикальным отношениям между отцами и детьми и связанной с ними идее Достоевского о «случайной семье».

⁵ Недавно опубликованный сборник «Мысль семейная в русской литературе» содержит обзор трактовки семьи в русской литературе и критике, но мало упоминает о братских узах. Вступительная статья включает «тему внутрисемейных отношений между детьми» в число пяти важных семейных тем в русской литературе, но не развивает ее. Как отмечает автор, идея семьи, как правило, сводится к идее супружеских отношений [Строганова 2008: 18].

Я считаю, что Толстой и Достоевский видят в братских связях не только семейный аспект; в их произведениях они выступают моделью общечеловеческих отношений. Для обоих писателей расхождение социального, биологического, юридического и духовного подходов к определению братской связи открывает возможность рассмотреть эти отношения на примерах тесной связи двух кровных братьев, выросших в одном доме, отстраненных отношений при отсутствии всякой общности, кроме общих предков, а также двух чужаков, которых ничто не связывает, кроме общей уверенности, что они дети человечества. Основная мысль этой книги состоит в том, что Толстой и Достоевский основываются на своих идеях развития реальных братских отношений и приходят к идеалам всеобщего братства⁶. Неизменно уделяя внимание тому, как абстрактные философские концепции проявляются в реальной жизни, оба автора используют братьев и сестер — сначала реальных, потом метафорических — как вехи на пути к своим идеям о братстве⁷. В этой книге прослеживается эволюция подходов Толстого и Достоевского к описанию конкретных отношений братьев и сестер в ранних произведениях, через попытки вывести понятие братства за пределы непосредственно семьи и, наконец, к их видению всеобщего братства в поздних романах.

Связь братьев и сестер идеально подходит для соединения столь различных отношений, поскольку она может быть социальным конструктом, равно как и биологической или юридической общностью⁸. В наиболее узком понимании братство возни-

⁶ Используя этот термин, я не стремлюсь проводить различие между отношениями братьев и родственными узами сестер. Идеал Толстого и Достоевского включал как мужчин, так и женщин.

⁷ Несмотря на общее лингвистическое происхождение концепции братства и буквального братского родства, они редко исследуются вместе. В книге «Лев Толстой и концепция братства» [Donskov, Woodsworth 1996] братья и сестры почти не упоминаются.

⁸ История братских отношений — относительно новая область. Книга Леоноры Давидовф «Гуще воды» [Davidoff 2012] дает превосходный обзор темы, а также подробный анализ английского братства в течение долгого XIX века. Для России XIX века не существует сопоставимой социальной истории братских отношений и семьи.

кает в результате биологического родства — единых генов и крови — либо юридических актов, таких как усыновление или брак, благодаря которым появляются приемные и сводные братья и сестры⁹. Однако в России XIX века родство понималось более широко и семейные связи нередко основывались скорее на действиях и поведении, на отношении как к родственникам, а не на кровном родстве [Tovrov 1987: 66–108]. Братьями и сестрами могли считаться люди, выросшие под одной крышей или воспитанные одними родителями.

Многие концепции братских отношений выводят их за пределы семьи (как бы широко она ни определялась). Связывать людей могут поступки; пролитие крови и обмен ею может сделать людей братьями, как в знаменитой речи Генриха V (в одноименной пьесе Шекспира): «О нас, о горсточке счастливых, братьев. / Тот, кто сегодня кровь со мной прольет, / Мне станет братом» [Шекспир 1959, 5: 453]. В XIX веке появилось много сообществ, члены которых становились «братьями и сестрами» (масоны, братство прерафаэлитов, сенсимонисты и др.). С расцветом национализма набирают силу идеи братства по национальному и этническому признаку; в семье Левиных в конце «Анны Карениной» рассуждают о том, когда русские отправятся воевать — на помощь «братьям славянам» в Сербии. Наконец, многие религиозные ордена призывают к духовному братству (например, монахов и монахинь называют братьями и сестрами). В отличие от других семейных отношений, каждый имеет возможность стать братом или сестрой этих общественных структур.

В английском (как и в немецком) языке есть одно слово — *siblings*, — значение которого включает понятия как братьев, так и сестер, но в русском и французском единого термина нет, и для этих категорий имеются лишь отдельные слова. Хотя нередко я буду говорить об отношениях братьев и сестер как о едином концепте, роли сестер и братьев в разные исторические периоды и в разных культурах четко разграничены. В Европе XIX века

⁹ В некоторых культурах младенцы, вскормленные одной кормилицей, становятся «молочными братьями».

братья были иерархически выше сестер, и от сестер ожидалось жертвенное отношение к братьям (модель, действующая для роли женщины в целом). Во многих культурах в высших слоях общества сестры воспитывались дома и в тесном контакте друг с другом, а братьев отправляли учиться вне дома, где у них завязывались братские отношения с более широким кругом сверстников. И Толстому, и Достоевскому эти различия были знакомы, и их отношение к братьям и сестрам открывает их глубинные взгляды на роли мужчин и женщин. В поздних произведениях Толстой стремился уйти от гендерных различий, включая и мужчин, и женщин в бесполое братство.

Невидимые братья и сестры

Может показаться удивительным, что в рамках исследований литературной традиции, которая породила и «Братьев Карамазовых», и «Трех сестер», до сих пор не было написано книги о братьях и сестрах. Однако ее отсутствие вполне вписывается в более широкую модель недостаточного внимания к теме братских отношений в различных областях знания¹⁰. В психологии братья и сестры заняли место рядом с родителями в связи с формированием понимания семейной системы и развития идентичности только в 1980-х годах¹¹. Создавая концепцию психоанализа, Зигмунд Фрейд много писал о долгосрочном влиянии отношений человека с отцом и матерью, почти не говоря о братьях и сестрах. В них он видел соперников, и немногие упоминания о них почти исключительно сосредоточены на отрицательных сторонах братских связей¹². Только в 2000 году Джулиет Митчел

¹⁰ Давидофф дает краткий, но всеобъемлющий обзор как недостаточного внимания, так и недавних усилий по исследованию этой темы в различных областях. См. [Davidoff 2012: 13–45].

¹¹ Обзор психологических исследований темы братьев и сестер до 1982 года смотрите в [Bank, Kahn 1982: 5–9]. Обсуждение отсутствия научных исследований братских отношений см. [Akhtar, Kramer 1999: 4; Coles 2003: 2; Frenchel 2003: 5].

¹² См., например, [Фрейд 2020а: 209].

опубликовала первую книгу, где была предпринята попытка уделить братьям и сестрам место в теории психоанализа [Mitchell 2000]¹³. Она утверждает, что «главным [новым] положением является введение в теорию психоанализа понятия латеральности — именно горизонтальные, не вертикальные отношения как угрожают личности, так и укрепляют ее» [Ibid.: 318–319]. Митчелл отслеживает смещение фокуса в теории психоанализа XX века «от роли отца к роли матери» [Mitchell 2003: 49].

Это смещение может быть связано с упадком патриархального уклада, поскольку детей стали воспринимать скорее как принадлежность матери, а не отца, и оба родителя начали играть равные роли авторитетных фигур. Митчелл утверждает, что роль матери, ускользнувшая от внимания, — это роль законодателя. «Материнский закон» существует параллельно отцовскому, но действует между детьми латерально, предписывая им не убивать друг друга и не совершать инцест [Ibid.: 43]. Этот закон помогает сформировать отношения между братьями и сестрами, превращая ненависть из-за того, что кто-то занял твое место, в любовь к тому, кто похож на тебя, но не идентичен тебе. Я согласна с предупреждением Митчелл о том, что фокус на горизонтальном никоим образом не означает сброса со счетов важности вертикальных отношений между ребенком и родителем, а, скорее, позволяет усилить и расширить образ, который мы создали, основываясь только на них.

Идя по следам психологии и психоанализа, литературоведческие исследования не скоро обратились к братьям и сестрам. Как отмечалось выше, традиционные исследования семейного романа были сосредоточены на супружеских отношениях и связях между родителями и детьми в ущерб братьям и сестрам¹⁴. Теоре-

¹³ Митчелл продолжила исследование в [Mitchell 2003].

¹⁴ Например, исследуя изображение семьи во французских романах XVIII века, Линн Хант описывает две категории семейных неурядиц: романы, написанные женщинами, в которых основное внимание уделяется жестоким мужьям, и романы, написанные мужчинами, в которых основное внимание уделяется отцам-тиранам и мятежным сыновьям [Hunt 1992: 23].

тики романа как жанра внесли свою лепту в акцент на патриархальность. Приведу только два ярких примера: Питер Брукс называет отцовство «доминирующим мотивом в великой традиции романа XIX века... фундаментальным воплощением ее сосредоточенности на авторитете, законности, конфликте поколений и передаче мудрости» [Brooks 1984: 63]. Эдвард Саид связывает эту озабоченность патриархальностью с самим процессом художественного творчества, указывая на «отцовскую роль романа — в отношении автора, отца, порождающего иную реальность» [Said 1975: 152]. Как кратко резюмировал один критик, «Саид утверждает, что роман рождается из заботы о генеалогии и притязаний на патриархальность» [Kilroy 2007: 24].

Поскольку теории романа были сосредоточены на патриархальном укладе, неудивительно, что на братьев и сестер в этих романах стали обращать внимание только в последние двадцать пять лет. Больше всего внимания им уделялось в английском литературоведении, упоминания о них во французских и немецких исследованиях редки. Эти исследования в основном сосредоточены на отношениях отдельных пар братьев и сестер и акцентируют более сенсационные аспекты любви и сексуальности¹⁵. Наибольшее внимание уделялось инцесту, прежде всего в романтической и готической литературе¹⁶. Некоторые модели, найденные мной у Толстого и Достоевского, были подмечены и в британской литературе: например, связь между братьями и сестрами как модель для романтических отношений, или сестры, прино-

¹⁵ См., например, [Bernard et al. 2010; Bouchenafa 2004; Brown 2003; Cohen 1995; Gruner 1993; Hudson 1992; Levin 1992; May 2001; Sanders 2002].

¹⁶ Известным примером является книга Отто Ранка «Тема инцеста в литературе и легенде: основы психологии литературного творчества» [Rank 1992], вторая половина которой полностью посвящена братьям и сестрам. Полезный обзор темы кровосмешения между братьями и сестрами в европейской романтической литературе предложен Питером Л. Торслефом [Thorslev 1965]. Алан Ричардсон отмечает различие между изображением кровосмешения между братьями и сестрами в готической литературе, где это обычно происходит непреднамеренно и совершается между людьми, которые были разлучены при рождении, и в английской романтической поэзии, где влечение проистекает из общего прошлого. См. [Richardson 1985: 739].

сящие себя в жертву братьям. Мне нигде не встречалось мое ключевое положение — что конкретные отношения между братьями и сестрами являются моделью для более абстрактной идеи вселенского братства. Толстой и Достоевский усовершенствовали свои английские модели и привнесли большой философский потенциал в описания связи братьев и сестер. Помимо углубления нашего понимания их произведений, я преследую и вторую цель — выяснить, что их описания отношений между братьями и сестрами могут сказать нам об этих отношениях и об их литературной, политической, социальной и духовной значимости во второй половине XIX века.

Братские отношения и семья у Толстого и Достоевского

Традиционно у человека в жизни бывает две семьи, кровная и супружеская: семья, где он вырастает, и новая семья, создаваемая им в браке. Для Толстого и, в меньшей степени, для Достоевского кровная семья прежде всего определяется отношениями с братьями и сестрами, а не с родителями. Эта первая «семья братьев и сестер» связана с детством и невинностью, не осложнена сексуальными страстями и взрослыми заботами. В жизни Толстого и Достоевского братья и сестры были одним из самых стабильных источников любви, товарищества и поддержки. Воспитываясь в семейном поместье Ясная Поляна, Толстой был младшим из четырех братьев, у них была младшая сестра. Его мать умерла, когда Толстому не исполнилось и двух лет, а отца не стало, когда будущему писателю было девять; пятеро детей остались сиротами. Из-за этого отношения Толстого с братьями и сестрой оказались в ряду наиболее значимых в его жизни и помогли сформировать его взгляд на семью и человеческие взаимоотношения в целом¹⁷. Лишившись родителей, дети не соревновались между собой за родительское внимание, и дух

¹⁷ Детские отношения Толстого с его братьями и сестрами описаны в [Гусев 1927а: 57–59, 66–68; Maude 2008: 27–29; Simmons 1960: 20–30].

соперничества среди них не был силен¹⁸. Горизонтальные связи заменили вертикальные, став основным каркасом семьи.

Достоевский был вторым из семерых детей и провел первые тринадцать лет дома с семьей¹⁹. Из-за своего вспыльчивого и властного отца мальчик рано понял, чем опасен деспотичный патриарх²⁰. Достоевский и его старший брат Михаил были вместе отправлены в Инженерный институт в Санкт-Петербурге (во время обучения в котором их родители умерли), и Михаил остался одной из самых значимых фигур в жизни Достоевского. Возможно, под влиянием личного опыта Толстой и Достоевский сделали отношения между братьями и сестрами магистральной темой в описании семей своих героев, у которых родители либо отсутствуют, либо играют второстепенную роль.

Несмотря на выдающуюся роль братьев и сестер в творчестве Толстого и Достоевского, ни один из этих писателей не делает никаких заявлений о сущности связи между братьями и сестрами и не указывает, какой она должна быть. Хотя произведения Толстого полны поучительных рассуждений о разных формах любви — супружеской, материнской, самоотверженной, патриотической, христианской, божественной, — насколько мне известно, он никогда не делал прямых теоретических утверждений о братской любви. Их отсутствие у автора, который все детально анализировал (и чьи крупнейшие произведения неизменно включают в себя значимые братские отношения), просто пора-

¹⁸ В наиболее полном на сегодняшний день психологическом исследовании братьев и сестер Бэнк и Кан обсуждают решающую роль родителей в определении отношений между братьями и сестрами. См. [Bank, Kahn 1982: 56–59]. Они отмечают, что «в большинстве семей есть только один человек, который может занимать определенное психологическое пространство в семье в каждый момент времени», и что родители стремятся проводить различие между братьями и сестрами, ограничивая каждого уникальной ролью [Ibid.: 23]. Фрэнк Дж. Саллоуэй предлагает дарвиновское объяснение различию между братьями и сестрами и поиску ниши в семье как способа максимизировать родительское внимание. См. [Sulloway 1996: 83–100].

¹⁹ Детский опыт Достоевского подробно описан Джозефом Франком в [Frank 1976: 23–41].

²⁰ См. [Гроссман 1962: 9–28; Frank 1976: 38–41].

зительно. Я считаю, что Толстой неоднократно пытался дать определения супружеской и божественной любви, потому что его представления о них были парадоксальны и противоречивы, а концепция братских отношений не вызывала у него сомнений, и, следовательно, давать им определение не было необходимости. Аналогично, Достоевский подробно писал в «Дневнике писателя» о роли родителей и их отношений с детьми, но и он тоже не делал открытых заявлений о братских отношениях, о том, как они должны выглядеть и ощущаться. В «Дневнике писателя» он обращается к отцам, но никогда — к братьям. При отсутствии декларативных заявлений о видении писателями реальных братских отношений мы вынуждены составлять представление о них на основе художественных описаний этих отношений в их произведениях (об этом в основном в первой и второй главах).

Я вижу в представлениях Толстого и Достоевского четыре определяющих характеристики братской связи, которые в совокупности позволяют отличить ее от других видов отношений. Во-первых, хотя она и последовательна, но горизонтальна, что допускает определенное равенство, невозможное в отношениях между поколениями. Во-вторых, она лишена сексуальности, что позволяет исключить опасность и нестабильность, которые ассоциировались у обоих писателей с эротическим желанием. В-третьих, она безусловна (то есть ее не выбирают и от нее не отказываются), чем отличается от дружбы, которая может быть построена и разрушена. И наконец, братские отношения включают в себя *своих* людей — по-русски «родных». В русском языке существует противопоставление «свой» — «чужой», что гораздо сильнее, чем просто «другой», ибо подразумевает нечто инородное, чуждое, и, возможно, внушающее подозрение. Благодаря общей крови, имени, дому и/или отношениям братья и сестры занимают особенно близкое к человеку место. Кровные братские связи внутри семьи, которые усиливают чувство горизонтальной близости между *своими*, становятся, для обоих авторов, основой идеалов любящей и поддерживающей семьи, которая, в свою очередь, может стать основой идеального общества.

Может показаться, что эта книга слишком идиллически описывает отношения братьев и сестер, но я полагаю, что взгляд Толстого и Достоевского на эти отношения оправдывает такой подход. Именно любви они по умолчанию ждут от братьев и сестер, хотя их герои не всегда живут по этому принципу. Даже если героям не удастся воплотить в жизнь свои взгляды на долг брата или сестры, ни один из писателей не ставит под вопрос, какую роль братья и сестры *должны* играть.

Так, Левин укоряет себя за свою неспособность чувствовать ту привязанность к своему сводному брату Кознышеву, которую он хотел бы иметь и ожидает от себя, — несмотря на очевидное отношение как самого Левина, так и его создателя Льва Толстого к Кознышеву как к далеко не самому привлекательному человеку. В любящем клане Ростовых неспособность Веры сблизиться с братьями и сестрами вызывает удивление. Утверждение, в свое оправдание, Ивана Карамазова о том, что он не обязан оставаться в городе и присматривать за братом Дмитрием, раскрывает его глубинное убеждение в том, что это именно та роль, которую брат *должен* играть. Дуня не считает, что идет на крайности, когда предлагает Раскольникову свою жизнь, если она ему понадобится (да и его это предложение не удивляет).

Хотя я акцентирую аспекты сходства во взглядах Толстого и Достоевского, в произведениях которых семейные связи занимают центральное место, их концепции семьи во многих отношениях радикально противоположны²¹. Тепло, безмятежность и единение семей Щербацких и Ростовых едва ли имеют что-либо общее с надрывом и тревогой в домах Версильовых и Карамазовых, помимо названия «семья»²². В действительности «случайные семейства» у Достоевского были отчасти задуманы в противовес идиллическому видению семьи у Толстого, об этом

²¹ Как отметила Донна Тассинг Орвин, Толстого и Достоевского (а также Тургенева в ее исследовании) связывают волнующие их вопросы, «но не конкретные решения этих проблем, которые часто расходились» [Орвин 2022: 15].

²² Г. М. Фридлендер, однако, отмечает, что семьи у Толстого на самом деле не столь гармоничны. Он предполагает, что в семьях Толстого и Достоевского больше общего, чем мы часто признаем [Фридлендер 1985: 212–213].

я подробнее пишу в четвертой главе. Эти разительные противоречия приводят к различным формам отношений между братьями и сестрами в творчестве обоих писателей. Для Толстого эта связь основана на теплых детских воспоминаниях и времени, проведенном в непосредственной близости друг к другу, — пассивное накопление, дающее близкое знание скрытых сторон человеческого характера. Любовь между братьями и сестрами возникает из этой близости. Для братьев и сестер Достоевского из неблагополучных семей, выросших порознь и зачастую в большой нужде, братское единство зависит от «деятельной любви» и осознания общей доли. Братские отношения персонажей Достоевского переживают больше разрывов и тягот, но способность героев преодолеть эти испытания подтверждает стойкость и мощь, которую он видел в братских отношениях.

Сравнивая взгляды Толстого и Достоевского на братские связи, я основываюсь на долгой традиции противопоставления этих двух писателей. Критики традиционно определяют их в контексте оппозиций: один был выходцем из дворянских кругов, описывавшим жизнь в сельском поместье; другой был горожанином, который описывал жизнь в убогих жилищах Санкт-Петербурга²³. Один был переполнен чувством вины за свою привилегированность и идеализировал жизнь простого крестьянина; другой жил среди таких «простых крестьян» в сибирском остроге и понимал как животную, так и божественную стороны сущности русского человека. Один смотрел в прошлое, другой — в будущее. Среди писателей русского Серебряного века Д. С. Мережковский, возможно, наиболее знаменит тем, что создал дихотомию Толстого как тайновидца плоти и Достоевского как тайновидца духа [Мережковский 2000]²⁴. Исследование Джорджа

²³ См., например, [Фридлендер 1985: 198–250, особенно 208–212]. Орвин одновременно сопоставляет и противопоставляет одно другому. Ее исследование детства выявляет больше сходства между ними, особенно их зависимость от Диккенса. См. [Орвин 2022: 248–280].

²⁴ Аналогичным образом Бердяев полагал, что Достоевский озабочен духовной сферой, тогда как Толстой «пребывает в душевно-телесном» [Бердяев 2016: 323].

Стайнера «Толстой и Достоевский» [Steiner 1996] определило это противопоставление для англоязычных читателей²⁵. Для настоящей работы особенно важно его положение о том, что герои Толстого приходят на Землю за спасением, тогда как для Достоевского царство Божие на Земле невозможно [Ibid.: 93, 257–264]. Хотя эти полюса не являются определяющими, они дают ценную базу, поскольку они предопределяют подход обоих писателей к теме братства. В «Воскресении» Нехлюдов отправляется в Сибирь, чтобы служить своим братьям, страдающим в гнетущей тюремной системе. Цель здесь — братский союз на Земле. Для персонажей Достоевского, таких как Зосима, братство рождается не в преобразовании общества, но через духовное перерождение и единение²⁶.

Традиция: унаследованные модели братства

Наши представления о братстве сформированы отчасти мифами, которые мы наследуем и которые, в свою очередь, отражены в литературе. Благодаря, прежде всего, гегелевскому комментарию (в «Феноменологии духа», 1807), Антигона стала одной из фундаментальных моделей связей между братом и сестрой в западной философии. Гегель использовал речь Антигоны, обосновывающую решение похоронить своего брата — помещающую ее обязательства по отношению к нему выше обязательств по отношению к родителю, ребенку или государству, — как основание для утверждения о привилегированном статусе этой связи. Он утверждал, что брат и сестра связаны кровными узами, но не испытывают желаний по отношению друг к другу, а значит, могут существовать в состоянии равенства, независимости и взаимной самореализации, невозможном в иных типах отно-

²⁵ Его главный аргумент заключается в том, что Толстой писал эпос, тогда как Достоевский писал трагедию.

²⁶ Персонажам Толстого тоже нужно работать над собой, прежде чем они смогут по-настоящему помогать другим (см., например, «Отец Сергей», осознание Левина в конце «Анны Карениной» и опыт Нехлюдова в «Воскресении»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru